

ПО СЪВЕРНОЙ ПЕРСИИ.

I.

Ври бѣгломъ знакомствѣ съ персами кажется, что исторія этого народа дописана до конца; остается только закрыть книгу и надія сойдетъ со сцены политической жизни народовъ... Дѣйствительно, куда ни взглянешь, повсюду хозяйничаютъ иностранцы! Бельгійцы забрали въ свои руки финансы Персіи, на югѣ и на сѣверѣ—англійскія и русскія войска, благодаря которымъ только и поддерживается нѣкоторый порядокъ въ Персіи. Сами персы не въ состояніи разобраться въ хаосѣ, царящемъ въ странѣ. Недаромъ между ними ходитъ предсказаніе какого-то хаджи, предрекавшаго еще 200 лѣтъ тому назадъ, что въ началѣ XX вѣка Персію постигнетъ большое несчастье: смута и раздоръ будутъ царить въ странѣ; вмѣшаются другія государства, которыя возстановятъ порядокъ, но зато Персія болѣе не возродится, самостоятельность и независимость ея кануть въ вѣчность. Неудивительно поэтому, что между персами циркулируютъ фантастическіе слухи о раздѣлѣ страны, о подчиненіи ихъ русскимъ, о назначеніи русскихъ управлять провинціями и т. д...

Персы чувствуютъ, что роковой день приближается, но, какъ

раненый звѣрь бываетъ всегда опаснѣе еще нетронутаго, они готовятся къ серьезному отпору.

Послѣднее не подлежитъ сомнѣнiю, если приглядѣться къ персамъ повнимательнѣе. Рабская покорность, соединенная съ лестью, столь распространенною на востокѣ, въ связи съ затаеннымъ чувствомъ злобы и мести, сквозить во взглядѣ и движенiяхъ перса. Угодливость и страхъ чувствуются въ разговорѣ съ нимъ, взаимныя искренности и простоты... Несомнѣнно одно: пока фанатизмъ населенiя тлѣетъ, но настанетъ моментъ, когда вспыхнетъ онъ и кровавымъ заревомъ зальетъ страну... До пожара, пожалуй, еще далеко, благодаря лѣни и апатичности перса, котораго слишкомъ трудно расшевелить (благодаря его неподвижности), но тайная пропаганда противъ иностранцевъ въ концѣ концовъ заставитъ его проснуться и взяться за оружье... Какъ на плодъ этой пропаганды, правда еще незрѣлый, можно указать на прошлогоднее Тавризское возстанiе, а Тавризскiя событiя только начало тѣхъ столкновенiй, которыхъ надо намъ ожидать въ дальнѣйшемъ.

Какъ относятся къ русскимъ различные слои персидскаго населенiя?

Вообще говоря, персы смотрятъ на русскихъ, какъ на элементъ для нихъ нужный, но нежелательный. Русскiя войска обезнечиваютъ имъ правильную торговлю, спокойную жизнь, потому что прежнiе наглые грабежи курдовъ, беззаконiя и чудовищные поборы персидской администрацiи прекратились, но тѣмъ не менѣе влдѣть хозяиномъ положенiя иностранцевъ, да еще чуждыхъ имъ по духу и по религiи, для нихъ обидно.

На первый взглядъ персъ, благодаря своей лѣни и апатiи, свойственнымъ вообще восточному человѣку, кажется совершенно безучастнымъ и ничѣмъ не интересующимся... Усѣвшись на солнечной сторонѣ, онъ невозмутимо куритъ кальянъ или папиросы, а когда солнце достаточно пригрѣетъ его, отправляется въ чайханѣ выпить стаканчикъ чаю. Здѣсь узнаетъ онъ самыя послѣднiе слухи и новости: о Балканской войнѣ, о передвиженiяхъ русскихъ, о случившихся происшествiяхъ и пр.

Вотъ тутъ-то, въ чай-ханѣ, и можно зачастую услышать откровенныя мнѣнiя персовъ о русскихъ. Изъ этихъ мнѣнiй ясно, что персы желаютъ, чтобы русскiе ушли поскорѣе изъ Персiи, такъ какъ въ противномъ случаѣ, говорятъ они, русскiе завладѣютъ всею страной... Таково ихъ глубокое убѣжденiе.

Недаромъ среди нихъ сложилась характерная поговорка:

«Явашь-явашь, урусъ чохъ гэдырь (мало-по-малу русскій поидеть далеко) Болѣе благоразумные персы мечтають о возрожденіи страны при помощи русскихъ властей. Въ свое правительство и администрацію они уже извѣрились. Вся ихъ надежда теперь на Россію... Прошлогоднее выступленіе экъ-шаха Магомедъ-Али было, по ихъ глубокому убѣжденію, дѣломъ русскаго правительства.

Что касается богатыхъ персовъ (бековъ), то наружно они заискивають и льстятъ передъ русскимъ начальствомъ, но на самомъ дѣлѣ очень недовольны приходомъ русскихъ войскъ, потому что лишились большей части своихъ доходовъ, такъ какъ прежде подати брались ими въ произвольномъ размѣрѣ, а теперь учрежденъ контроль.

Недовольна также и персидская администрація, богатѣвшая прежде отъ чудовищныхъ штрафовъ и поборовъ съ населенія, а теперь получающая опредѣленное жалованье и не имѣющая права взымать съ населенія безъ вѣдома бельгійскихъ агентовъ ни одного шая (копѣйки).

А между тѣмъ по вѣковымъ традиціямъ этого народа право сильнаго и заключается именно въ обирательствѣ и грабежѣ! Немудрено поэтому, что многіе персы болѣе симпатизировали туркамъ, потакавшимъ обирательству, такъ какъ сами были не прочь погрѣть руки на этомъ дѣлѣ.

Какъ фактъ могу сообщить, что въ одномъ изъ персидскихъ селеній, гдѣ расположенъ былъ турецкій постъ, турки въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не получали отъ своего правительства ни копѣйки, а между тѣмъ жили.

Теперь турки ушли изъ спорной полосы, подорвавъ этимъ свой престижъ въ глазахъ населенія и особенно среди курдовъ. Много способствовали этому еще и послѣднія балканскія событія. Извѣстія о ходѣ войны моментально распространяются среди населенія, и персы глубоко огорчены тѣмъ, что мусульмане не могутъ разгромить христіанъ...

Нѣкоторые изъ фанатиковъ по объявленіи Джахата (священной войны) ушли въ Турцію; отправились также подъ вліяніемъ проповѣдей шейха Сали-Муфи на священную войну и многіе изъ курдовъ.

II.

Такимъ образомъ, персы въ настоящее время пока ничѣмъ не угрожаютъ русскимъ войскамъ, расположеннымъ въ Персіи, а что

будеть дальше—покажетъ будущее. Вотъ курды,—совсѣмъ другое дѣло. Благодаря имъ, русскимъ приходится быть все время на чеку, въ особенности теперь, съ наступленіемъ лѣта.

Обыкновенно на зиму курды спускаются съ горъ въ долины и располагаются на зимовье по селеніямъ. Живя въ селеніи и, такъ сказать, привязанные къ нему тѣмъ, что имущество ихъ, скоть, находится здѣсь же, курды поневолѣ становятся мирными жителями, потому что, совершивъ разбой, имъ негдѣ будетъ спрятаться, негдѣ схоронить награбленное, а властямъ легче найти виновныхъ... Поэтому зимой грабежи почти прекращаются. Но съ наступленіемъ лѣта курды уходятъ въ горы, помогающія имъ нападать на караваны, грабить, убивать, совершать лихіе набѣги на окрестныя селенія и отбивать скоть. Они ничего не боятся, такъ какъ прекрасно знаютъ сами, что въ горахъ ихъ никто не разыщетъ; имъ извѣстны такіе тропы и проходы въ горахъ, по которымъ немногіе рѣшаются пройти.

Я знаю случай, когда курды, спустившись съ горъ, напали на селеніе среди бѣлаго дня и увели съ собою отбитый скоть (около 400 барановъ). Въ какихъ-нибудь 2—3 верстахъ отъ этого селенія находились русскія войска, о чемъ курды были освѣдомлены... Спустя полчаса послѣ нападенія, жители сообщили объ этомъ начальнику команды. Послѣдній выслалъ въ погоню нижнихъ чиновъ, которые излазили всѣ горы и вернулись только поздней ночью, но ничего и никого не нашли. Такъ искусно умѣютъ курды замечать слѣды и прятаться въ горахъ.

Съ жизнью курдовъ, ихъ воззрѣніями, поражающими оригинальностью и простотой, я познакомлю впослѣдствіи, а теперь скажу лишь нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ ихъ главарей, пользующихся наибольшимъ вліяніемъ въ персидскомъ Курди-станѣ.

Благодаря патріархальному быту, глава племени пользуется огромнымъ вліяніемъ на остальныхъ курдовъ своего рода и, если онъ симпатизируетъ русскимъ, то и весь родъ его обязанъ оказывать уваженіе русскому и наоборотъ.

Самыя сильныя племена курдовъ: сомаи, абдои, фанаки, мамеди и пачики; изъ нихъ сомайскіе курды наиболѣе безпокойное и разбойничье племя.

Глава племени абдои—котурскій ханъ Измаиль-Ага-Симко. Онъ считается другомъ Россіи и не любитъ турокъ, съ которыми его отношенія еще болѣе обострились послѣ того, какъ Симко

отбилъ отъ турокъ арестованнаго ими шейха Сеидъ-тагу, пользующагося большимъ вліяніемъ среди всѣхъ курдовъ не только персидскаго, но и турецкаго Курдистана. Его братья Шукуръ-Ага и Ахметъ-Ага, въ сущности большіе разбойники, только теперь съ приходомъ русскихъ войскъ въ Сомай нѣсколько смирились и перестали грабить.

Симко принадлежитъ все Котурское ханство; но, узнавъ, что русскіе будутъ стоять въ Сомай, онъ рѣшилъ завладѣть и этими землями, правда, принадлежавшими нѣкогда его роду.

Въ Сомай Симко имѣетъ кровниковъ, вліятельныхъ бековъ Темиръ-Джанго и Мамедъ-Шерифа-Ага, но, благодаря русскимъ, Темиръ-Джанго и Мамедъ-Шерифъ недавно поклялись на коранѣ въ вѣрности Симко... Конечно, рознь между ними какъ существовала, такъ и теперь существуетъ, и стоитъ только вывести русскія войска изъ Сомая, какъ возгорится кровавая борьба.

Симко ни разу не запятналъ себя выступленіемъ противъ русскихъ; это прямой и честный курдъ, вполне преданный Россіи.

Глава сомайскихъ курдовъ—Измаилъ-Ага-Кардаръ, личность очень хитрая и двойственная. Пока въ Сомай стояли турки, онъ не признавалъ ни русскихъ, ни вообще христіанъ; грабилъ ихъ селенія, угонялъ скотъ, а на русскихъ старался натравить другихъ курдовъ, чтобы самому остаться въ тѣни. Но съ приходомъ въ Сомай русскихъ войскъ и эвакуаціей изъ спорной полосы турокъ, онъ перешелъ на нашу сторону и теперь всячески заискиваетъ передъ русскими властями.

Омеръ-ханъ и Гуссейнъ-Ага изъ племени Мамеди, вѣроятно, уже извѣстны многимъ, какъ участники нападенія на русскій отрядъ въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года у селенія Зиндештъ. Между прочимъ, они утверждаютъ, что напасть на русскихъ подбили ихъ турки, посты которыхъ расположены были поблизости, и что сами турки принимали участіе въ перестрѣлкѣ... Насколько это правдиво—не знаю, потому что нѣтъ возможности провѣрить ихъ слова.

Вотъ главные и самые вліятельные курдскіе дѣятели.

III.

По официальнымъ свѣдѣніямъ экспедиція противъ шахсевенъ считается законченною, а шахсевены, если не покорены, то во всякомъ случаѣ уже не способны болѣе на активныя выступленія.

Неофициальная же сторона представляется въ такомъ видѣ. Сломить шахсевенъ можно лишь только тогда, когда будутъ уничтожены и остатки бѣжавшихъ въ горы шахсевенъ, а главное, изловлены ихъ главари и зачинщики Минбаши-ханъ и Хаджи-Ага-ханъ.

По нѣкоторымъ свѣдѣнiямъ въ то время, какъ племена Гіеклинцевъ и Хаджабеклинцевъ смирились и выдаютъ оружіе русскимъ властямъ, Минбаши-ханъ и Хаджи-Ага-ханъ, скрывающіеся въ горахъ, вновь формируютъ отряды изъ непокорныхъ племенъ Хаджиходжалинцевъ и Хаджалинцевъ.... Мелкія шайки шахсевенъ охотно идутъ на призывъ Минбаши-хана и Хаджи-Ага-хана и, говорятъ, что какъ у одного, такъ и у другого, въ настоящее время будетъ до трехсотъ вооруженныхъ всадниковъ, а это сила большая, потому что шахсевены ведутъ чисто партизанскую войну, хорошо примѣняются къ мѣстности и единственный ихъ недостатокъ— это отсутствіе солидарности между ними, въ особенности, между всадниками разныхъ племенъ.

Прошлогоднее энергичное преслѣдованіе генераломъ Фидаровымъ возставшихъ шахсевенъ и нѣсколько чувствительныхъ поражений, нанесенныхъ имъ шахсевенамъ, дали возможность потушить въ самомъ началѣ пожаръ, грозившій вылиться въ поголовное возстаніе всѣхъ племенъ.... Однако, бѣда вся въ томъ, что шахсевены живучи, какъ двѣнадцатиголовый сказочный змѣй! Пока не отрубятъ всѣхъ двѣнадцати головъ, до тѣхъ поръ будутъ они тревожить русскія войска и совершать набѣги на окрестныя селенія.

Для поясненія сказаннаго, я напомнимъ кое-что изъ прошлой жизни шахсевенъ.

Шахсевены еще въ отдаленныхъ временахъ считались въ Персіи самымъ безпокойнымъ и разбойничьимъ народомъ. Непрерывныя грабежи и разбои заставили мирное населеніе окрестныхъ городовъ и селеній обратиться къ шахскому правительству и искать у него защиты. И вотъ при шахѣ Насръ-Эддинѣ шахсевенъ въ видѣ наказанія переводятъ на жительство въ Марагу, но эта мѣра не только не исправила ихъ, но, наоборотъ, шахсевены обнаглѣли еще больше. Попавъ на новыя мѣста, сравнительно богатая, гдѣ до этого жители не знали грабежей, шахсевены въ теченіе самаго короткаго времени обобрали жителей и раззорили край. Населеніе Мараги отправило правительству жалобы съ просьбою убрать отъ нихъ шахсевенъ. Шахское правительство вняло ихъ голосу и распорядилось вернуть шахсевенъ на старыя мѣста.

Безчинства шахсевенъ, конечно, продолжались, и вотъ, для усмиренія ихъ, шахское правительство посылаетъ безконечныя экспедиціи, не приносящія, однако, никакихъ результатовъ. Шахсевены, потерпѣвъ поражение, скрывались въ горахъ и на нѣкоторое время наступало затишье, но вслѣдъ затѣмъ они снова появлялись и вновь начинались безчинства.

Такимъ образомъ, получалось что-то въ родѣ перпетумъ-мобиле, причеиъ съ каждымъ разомъ шахсевены становились все наглѣе и наглѣе, не признавая надъ собой никакой власти.

Тогда шахское правительство рѣшило арестовывать главарей, къ чему не хотѣло оно прибѣгать до сихъ поръ потому, что главарями шахсевенъ являлись вліятельные ханы и, слѣдовательно, арестъ ихъ могъ подлить только въ огонь масло.

Но и изъ этого ничего не вышло. Наконецъ шахское правительство снаряжаетъ въ 1910 г. послѣднюю экспедицію противъ шахсевенъ подъ начальствомъ извѣстнаго Ефрема. Послѣдній, правда, разбилъ ихъ, но опять-таки и эта побѣда не дала никакого практическаго результата. Шахсевены изъявили покорность, но съ уходомъ Ефрема принялись за прежнее.

Итакъ, изъ сказаннаго выше намъ, русскимъ, не слѣдуетъ думать, что шахсевены окончательно покорены и раздавлены. Они слишкомъ живучи и неугомонны, а потому, надо полагать, это затишье — только временная пріостановка дѣйствій, но какъ только Минбаши-ханъ и Хаджи-Ага-ханъ составятъ отряды, шахсевены снова выйдутъ изъ горъ Агъ-Дага и начнется старая исторія.

Необходимо сказать еще нѣсколько словъ объ отношеніяхъ шахсевенъ къ эксъ-шаху Магомедъ-Али. Вообще говоря, шахсевены, что въ переводѣ означаетъ «друзья шаха», не признавали ни одного шаха, а, какъ я уже сказалъ выше, причиняли своимъ властелинамъ однѣ лишь непріятности и хлопоты. Съ изгнаніемъ же шаха Магомедъ-Али, шахсевены почему-то, вдругъ, ощутили къ нему чувства симпатіи и, когда, въ прошломъ году, эксъ-шахъ Магомедъ-Али хотѣлъ возвратиться въ Персію, то они рѣшили оказать ему поддержку и для этой цѣли формировались отряды изъ вооруженныхъ всадниковъ разныхъ племенъ. Велись какіе-то тайные переговоры шахсевенскихъ хановъ съ Сепехдаромъ, приверженцемъ эксъ-шаха, но о чемъ именно — неизвѣстно.

Непонятны также и намѣренія шахсевенъ, желавшихъ вернуть Магомедъ-Али на престоль. Я предполагаю здѣсь только

корыстныя цѣли, чтобы за спиной, яко бы выполняемой государственной задачи, удобнѣе было пограбить мирныхъ жителей.

IV.

«Кто по Персіи „не ѣзжалъ“, тотъ и горя не видалъ», такъ перифразировали здѣсь русскіе извѣстную поговорку. Ужъ подлинно дороги въ Персіи находятся въ невозможномъ состояніи! Я много поѣздилъ по нашимъ проселочнымъ дорогамъ, но не видѣлъ ничего подобнаго персидскимъ путямъ сообщенія. Конечно, обвинять въ этомъ персовъ нельзя потому, что самый объектъ ихъ сообщенія—ишакъ и верблюды—сможетъ пройти вездѣ или, говоря другими словами, еще и не по такимъ дорогамъ, но намъ, русскимъ, имѣющимъ колесныя повозки и не привыкшимъ путешествовать на ишакахъ, совершать передвиженія при такихъ условіяхъ очень затруднительно. Лѣтомъ во время засухи и зимой, когда бываетъ все сковано льдомъ, еще ничего, но вотъ осенью съ началомъ дождей и весной во время таянія снѣговъ происходитъ что-то невообразимое. Шестерка сильныхъ лошадей не въ состояніи вытянуть пустого фургона, застрявшаго или остановившагося на нѣсколько минутъ. Вы сами видите, какъ фургонъ начинаетъ засасывать и онъ опускается все ниже и ниже. Таково свойство здѣшняго грунта.

Поэтому немудрено, что ѣдущій на фэзтонѣ умоляетъ Христомъ Богомъ ямщика не останавливаться, такъ какъ въ противномъ случаѣ предстоитъ въ перспективѣ доканчивать путешествіе по образу «пѣшаго хожденія».

Года два—три тому назадъ, я читалъ въ газетахъ, что турки, занявъ спорную полосу Урмійскаго раіона, ретиво принялись за исправленіе дорогъ, постройку мостовъ, соединеніе селеній телефонами и даже за проводку телеграфа. Въ настоящее время, побывавъ на постахъ, гдѣ стояли раньше турки, я не нашелъ никакихъ улучшеній; все осталось по-старому. Дороги между селеніями въ томъ же невозможнѣйшемъ состояніи, а мосты и телефоны, очевидно, существуютъ лишь на бумагѣ, или же газетныя сообщенія были утками, пущенными самими же турками, чтобы показать свою дѣятельность и заботы о нуждахъ мѣстнаго населенія.

Впрочемъ, справедливость требуетъ отмѣтить, что попытки провести телефонъ со стороны турокъ были неоднократны; такъ жители селенія Гаулана сообщили мнѣ слѣдующее: однажды турки приказали имъ навозить столбовъ для телефонной линіи. По-

слѣдніе, конечно, доставили необходимое число столбовъ.... Ждутъ, когда же начнутся работы. Проходить мѣсяць, два, три, а о телефонѣ ни слуху, ни духу. Впослѣдствіи оказалось, что злополучные столбы, предназначенные для телефонной линіи, обращены были турками на дрова.

Въ настоящее время вездѣ кипитъ работа по исправленію и разработкѣ дорогъ; очевидно, русскія власти обратили на это серьезное вниманіе. Вслѣдствіе полученнаго разрѣшенія отъ персидскаго правительства на постройку желѣзной дороги Джульфа—Тавризь, начались изысканія пути. По всей вѣроятности, шоссе Джульфа—Тавризь пойдетъ подъ полотно, ускоривъ въ значительной степени постройку желѣзнодорожной линіи на Тавризь, что, конечно, для насъ, русскихъ, очень важно при теперешнемъ сосредоточеніи войскъ въ Азербейджанѣ. Начались также работы по устройству дороги Джульфа—Качалы; только здѣсь придется затратить много труда и денегъ, чтобы разработать проклятое ущелье Кярдашъ. Представьте себѣ горы, которыя тянутся версть на 20—25. Въ отдаленныя времена, вѣроятно, могучій потокъ промылъ въ нихъ русло, образовавъ ущелье, и вотъ по этому-то руслу и должна пройти дорога на Качалы. Справа, слѣва горы. Подъ ногами вьется ручеекъ, высыхающій лѣтомъ, но зато во время дождей и таянія снѣговъ, онъ, вспоминая прошлое время, бурно несетъ свои мутныя воды къ Араксу, заполняя водой все ущелье. Да, много придется здѣсь поработать!

V.

Тяжелое житье-бытье судьбою заброшенныхъ въ Персію! Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, при какихъ условіяхъ приходится жить не только офицеру, но и нижнимъ чинамъ. Войска большей частью расположены по постамъ, а постъ—это полуразрушенное селеніе, брошенное жителями... Правда, съ приходомъ русскихъ войскъ, жители начинаютъ постепенно возвращаться на старыя мѣста, да и то не вездѣ. Я знаю посты, гдѣ стоитъ взводъ, полурота нижнихъ чиновъ; одинъ—два офицера; ни одного сельчанина и все селеніе представляетъ сплошныя развалины. Нижніе чины помѣщаются въ плохо подправленныхъ хибаркахъ, потому что изъ развалинъ ничего хорошаго не выкроишь; тутъ же живутъ и офицеры...

Газеты, письма получаютъ очень рѣдко и неаккуратно, и то тогда, когда посылаются двуколка въ ближайшій городокъ (версть

за 15—20), гдѣ расположенъ штабъ отряда, или же, случайно, кто-нибудь завезетъ почту проѣздомъ черезъ постъ. Зимой въ заносы, а весною и осенью въ распутицу, о почтѣ, конечно, и не думаешь.

Офицеры и нижніе чины изнываютъ отъ одиночества и заброшенности. Кругомъ горы и горы; внизу лощина, по которой пролегаетъ дорога; нѣсколько тощихъ деревьевъ, торчащихъ тамъ и сямъ, и больше ничего. Тоска!

Это не та скука, знакомая большинству изъ насъ, живущихъ въ городахъ, и являющаяся плодомъ пресыщенія удовольствіями или ничегонедѣланія, а болѣзненная, мучительно щемящая душу и сердце, отъ которой истрепываются нервы и не знаешь, куда спрятаться, уйти, чтобы забыться, хотя бы на мигъ.

— Вы знаете, что я, ей-Богу, былъ близокъ къ сумашествію! По ночамъ галлюцинаціи душили меня, а, надо сказать, что я—человѣкъ съ сильными нервами, съ горечью говорилъ мнѣ одинъ изъ офицеровъ. Когда я пріѣхалъ на постъ, то первое время было еще ничего. Я ретиво принялся за занятія съ нижними чинами, устраивалъ по вечерамъ бесѣды, но вскорѣ темы изсякли, такъ какъ почту не получалъ, да и другъ другу мы надоѣли. Представьте, что одни и тѣ же 20—30 лицъ вы видите съ раннего утра до позднего вечера! Вы изучили каждаго изъ нихъ до подробностей. Заранѣе знаете, что отвѣтить тотъ или другой на такой-то вопросъ, что скажетъ онъ по такому-то поводу, какой взглядъ на то или другое положеніе вещей и т. д., однимъ словомъ, нижній чинъ представляется вамъ уже не живымъ человѣкомъ, а автоматомъ. Если бы въ селеніи жили посторонніе люди, то, конечно, было бы гораздо легче. Повѣрите ли, что видѣть передъ собой, хотя бы перса, или курда, поговорить съ нимъ, было для насъ истиннымъ наслажденіемъ; скажу болѣе, мы даже оживлялись на нѣсколько дней, такъ какъ появлялась новая тема для разговора.

— Но, перебилъ я его, почему же вы не занялись чѣмъ-нибудь?

— Нельзя!... Даже читать невозможно при такой обстановкѣ. Нервы истрепались, самъ все ждешь чего-то, а это томительное ожиданіе въ двадцать разъ хуже всякаго нападенія... Вы знаете, война въ сравненіи съ моимъ положеніемъ—это рай, блаженство!... На войнѣ—кругомъ товарищи, смѣна впечатлѣній, наконецъ, сраженія, когда человѣкъ забываетъ себя, чего жъ еще надо!?. Кромѣ того, я знаю, что война продолжится годъ, ну, много два, а затѣмъ миръ, и войска разойдутся по своимъ стоянкамъ... А здѣсь? Вѣдь я здѣсь уже третій годъ, а черезъ мѣсяць, когда

найдутъ, что я отдохнулъ достаточно, пошлютъ на другой постъ. Опять та же разлагающая обстановка, тѣ же невозможныя условія жизни!

Въ мѣстахъ сосредоточенія войскъ условія жизни, конечно, разнообразнѣе и много лучше. Тутъ и офицерское собраніе и почта приходитъ два раза въ недѣлю и посторонній элементъ: персы курды, армяне, и купить можно многое; однимъ словомъ, нѣтъ той отрѣзанности и одиночества, которыя ощущаются на посту.

Правда, и здѣсь тоже не живутъ, а томятся: больно ужъ скверно въ Персіи! Кругомъ свирѣпствуютъ тифъ, малярія, дизентерія, черная оспа, потому что санитарныя условія невозможны, такъ какъ всякій персидскій городъ—это зловонная клоака. Болѣютъ и умираютъ вдали отъ родины, лишеныя хорошей медицинской помощи, и офицеры и нижніе чины.

Нельзя не сказать также, что долгое время пребываніе войскъ въ Персіи крайне вредно отзывается на ихъ моральной сторонѣ... Нашъ солдатъ изъ веселаго, открытаго становится замкнутымъ, недовѣрчивымъ и печальнымъ. За все пребываніе въ Персіи я совсѣмъ не слышалъ веселаго пѣнія. Поютъ, но это все скорбныя, невеселыя пѣсни, наводящія грусть и тоску и хватающія за сердце. Солдатъ скучаетъ по родинѣ: кругомъ все персы, курды; нѣтъ русскаго мужика, не слышно русской рѣчи. Необходима смѣна частей, находящихся въ Персіи. Быть можетъ, это будетъ обходиться дорого, но что дѣлать? Зато поднимется духъ арміи: солдатъ, идя въ Персію, будетъ сознавать, что черезъ годъ, полтора его смѣнятъ, а это, право, большое утѣшеніе.

VI.

Самоваръ уютно подыхивалъ, выпуская клубы пара. Въ небольшой комнатѣ, за простымъ, ничѣмъ непокрытымъ столомъ, сидѣли на самодѣльныхъ, неуклюжихъ табуреткахъ три офицера и докторъ. Черезъ огромныя окна, венеціанскаго типа, разукрашенные маленькими разноцвѣтными стеклышками, вливались мягкіе лунные лучи: красные, синіе, зеленые, фіолетовые... Разговаривали о Россіи...

— Вы, что, горячился докторъ, обращаясь къ молодому поручику, всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ, какъ пришли въ Персію и уже заскучали! А какъ же я, батенька! Третій годъ болтаюсь здѣсь изъ конца въ конецъ и, какъ Агасееръ, не найду покоя. То посылаютъ меня въ Казвинъ, то въ Ардебиль, то въ Тавризь, то

въ Марагу, то въ Урмію и, чортъ знаетъ, гдѣ только я не былъ! Да-съ, батенька, третій годъ! Не шутка, не фунтъ изюму. Только начнешь устраиваться по-человѣчески: наймешь квартирку, купишь кое-что изъ обстановки, проживешь этакъ день, другой, какъ является глашатай «тревожныхъ сказаній»: «ваше благородіе до васъ бумагу принесли!» Возьмешь это «бумагу» и читаешь: «предписываю вамъ немедленно отправиться туда-то, для выполненія того-то» и проч. и проч.!... И на утро бросаешь все и ѣдешь. Такъ-то-съ!

Докторъ затынулся папироской и прихлебнулъ изъ стакана чаю.

— Собачья жизнь! Третій годъ маешься здѣсь, а тамъ, въ Россіи, у меня жена, ребятишки. Мѣсяцами писемъ отъ нихъ не получаешь. Теряются.... Докторъ опустилъ голову и задумался. Какая-то жуть охватила и насъ троихъ.

— Здорово, братцы! вскричалъ толстый штабсъ-капитанъ Ухинъ, вваливаясь въ комнату. Слышали новость?

— Что такое? Въ чемъ дѣло?

— Паль Адрианополь. Взята съ боя Чаталджа....

— Не можетъ быть! Откуда вы узнали?

— Э-э, откуда? Въ караванъ-сараѣ персы только объ этомъ и говорятъ, а они, бестіи, свѣдѣнія получаютъ изъ первыхъ источниковъ.

— Адрианополь, Чаталджа.... задумчиво повторялъ про себя докторъ, словно уясняя смыслъ этихъ словъ. Какъ бы не объявили теперь турки священной войны!

Всѣ разсмѣялись.

— Дорогой докторъ, проговорилъ Ухинъ, закуривая папиросу, священная война объявлена давнымъ давно. Жаль, что до сихъ поръ вы не знали объ этомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? воскликнулъ докторъ, поднимаясь изъ-за стола...

— Вы слишкомъ отстаый человѣкъ, докторъ! Не слѣдите за событіями.

Докторъ желчно разсмѣялся.

— Не слѣдите! Ха-ха-ха! Хорошо сказано! А знаете ли вы, что я три мѣсяца какъ не держалъ въ рукахъ ни единой газеты? Вы стоите на одномъ мѣстѣ, а я бродяжничаю изъ конца въ конецъ.

— А что говорятъ персы? перебивая доктора, спросилъ поручикъ, обращаясь къ Ухину.

— Волнуются, кричать, спорять.... Боятся, какъ бы не взяли болгары Стамбула.

— Теперь мусульмане могут объединиться, замѣтил докторъ, и задать хорошаго перца.

— Ну, этого не будетъ, возразилъ Ухинъ, а вотъ частичныя возстанія противъ христіанъ, пожалуй, начнутся.

Вѣсть о паденіи Адрианополя и взятіи Чаталджи моментально распространилась по городу. Всѣ вѣрили въ правдивость слуха и горячо обсуждали это событіе.

Персы видимо волновались и нѣкоторое время мы опасались, какъ бы это извѣстіе не явилось толчкомъ къ возстанію мусульманъ.

Правда, на базарѣ, гдѣ сосредоточивается въ восточныхъ городахъ вся жизнь какъ торговая, такъ и внутренняя, и въ чайханѣ, гдѣ передаются и обсуждаются всѣ событія, можно было замѣтить таинственное перешептываніе, многозначительное покачиваніе головой, а, по временамъ, доносились даже восклицанія о необходимости помочь туркамъ.

Вслѣдъ затѣмъ на базарѣ появились какіе-то подозрительные проповѣдники. Они останавливались на самыхъ людныхъ мѣстахъ и громкимъ пропзительнымъ голосомъ выкрикивали о томъ, что христіане бьютъ магометанъ, что правовѣрные въ опасности, тогда какъ христіане—собаки, о которыхъ не слѣдовало бы и марать рукъ, если бы смерть ихъ не была угодна и пріятна Магомету. Персы обступали «проповѣдника» и съ затаенной злобой слушали его повѣствованія объ издѣвательствахъ, творимыхъ христіанами надъ правовѣрными.

Фанатизмъ восточной толпы легко разжечь. Нѣсколькихъ словъ о собакахъ-христіанахъ и о поруганіи, совершаемомъ надъ послѣдователями корана—вполнѣ достаточно, но результатъ отъ этого самый незначительный.... Дѣйствительно, надорвавъ голосъ, «проповѣдникъ» замолкалъ и направлялся дальше, бѣя въ знакъ скорби по обнаженной груди кулаками. Толпа, конечно, нѣкоторое время шла слѣдомъ за нимъ. Но персы—народъ удивительно мало подвижный и лѣнивый. Насколько легко ихъ воодушевить, настолько скоро они охлаждаются. Эта толпа, что идетъ за проповѣдникомъ, таетъ съ быстротою молніи: кто заходитъ въ чай-ханѣ, чтобы подѣлиться новостями съ другими, кто останавливается у продавцовъ кіа-баба (жареной баранины) или вареной картошки и, купивъ кусокъ лаваша, тутъ же садятся закусывать, а черезъ 10 минутъ они позабудутъ уже обо всемъ и будутъ, до изступленія, торговаться съ вами изъ-за «ечи шай» (около двухъ колъбекъ). Такимъ образомъ, можно быть увѣреннымъ, что не только

паденіе Адрианополя, по и взятіе Константинополя не вызоветъ никакихъ волненій и безпорядковъ среди персовъ. Вотъ только курды!...: Они дѣйствительно внушаютъ серьезныя опасенія, такъ какъ, по нѣкоторымъ даннымъ, я могу сказать, à priori, что между ними происходитъ глухое броженіе изъ-за балканскихъ событій, которое можетъ вылиться, если не въ поголовное, то въ частичныя возстанія. Впрочемъ, быть пророкомъ я не хочу; будущее покажетъ.

VII.

Заговоривъ объ исламѣ, невольно хочется сказать нѣсколько словъ о положеніи православныхъ миссій въ Персіи. Наши миссіи, на которыя возложена трудная и отвѣтственная задача обращенія въ православіе сирійцевъ, армянъ (айсоровъ), а также магометанъ, находятся въ плачевномъ состояніи. Даже обидно дѣлается, когда, показывая на полуразрушенный домъ, вамъ говорятъ: «это наша церковь.»

Вотъ православная церковь въ одномъ изъ большихъ селеній сѣверной Персіи. Простой, персидскій домъ, обмазанный глиной и обнесенный снаружи высокою глинобитною стѣною.... Полуразвалившіяся ступеньки ведутъ со двора во внутренность храма, гдѣ бѣдность и убожество поразительны.

Штукатурка обвалилась и эти мѣста, замазанные глиной и побѣленные гажей (родъ извести), выдѣляются темными пятнами; вмѣсто иконостаса—стѣна; вмѣсто царскихъ вратъ и боковыхъ дверей—куски матерій; вмѣсто подсвѣчниковъ—деревянная палка, на которую сверху надѣтъ кружокъ съ разсверленными дырочками, куда и надлежитъ вставлять свѣчи. Во всемъ храмѣ двѣ иконы.

Мнѣ кажется, что имѣть такой храмъ у себя, въ какой-нибудь деревнѣ, не бѣда; но на востокѣ, гдѣ любятъ красоту, гдѣ можно повлѣять только торжественностью богослуженія и красивой архитектурой внутренности храма, такая церковь никакой пользы не принесетъ.

Недалеко отъ нашей церкви — костель. Прекрасное зданіе выступаетъ фасадомъ прямо на улицу. Внутри чисто, вездѣ позолота и очень красиво. Невольно проникаешься торжественностью. Я не удивился, когда здѣшній русскій миссіонеръ, отецъ Пименъ, сообщилъ мнѣ, что въ селеніи католиковъ въ пять разъ больше, чѣмъ православныхъ.

— Что будешь дѣлать, жаловался отецъ Пименъ, не хотятъ

идти въ церковь, а вотъ въ костель идутъ охотно и всегда тамъ полно.

— Это потому, отецъ Пимень, что у васъ не церковь, а просто-на-просто комната. Что хорошо было въ первыя времена распространенія христіанства, то не подходитъ къ XX вѣку. Вспомните, чѣмъ прельстились послы великаго князя Владиміра, посланные имъ выбирать вѣру?

— Но, что же дѣлать! вздыхалъ отецъ Пимень. И знаете то, что видѣли вы у меня, много лучше, чѣмъ у другихъ; впрочемъ, говорятъ, что теперь отпущены большія деньги на постройку храмовъ въ Персіи....

VIII.

Не знаю было ли, въ свое время, напечатано въ газетахъ, что котурскій ханъ, Измаиль-Ага-Симко, напалъ въ октябрѣ мѣсяцѣ на турокъ и многихъ перебилъ. Во всякомъ случаѣ познакомиться съ мотивомъ этого нападенія, а, главное, съ его результатомъ, будетъ не лишнее.

Турки, занимая постепенно персидскую территорію, объясняли передвиженіе своихъ войскъ въ глубь Персіи тѣмъ, что Урмійская спорная полоса все равно должна будетъ отойти къ Турціи. Персы вначалѣ протестовали противъ такого вторженія, но вскорѣ смирились, а курды, въ общемъ, встрѣтили турокъ довольно благосклонно. Большинство курдскихъ хановъ, если не явно, то во всякомъ случаѣ, тайно признали господство турокъ. Турки снабжали ихъ оружіемъ и патронами и, натравляемые ими, курды совершали набѣги на христіанскія селенія, грабили караваны и даже нападали на русскія войска. Такъ, шагъ за шагомъ, турки добрались до Урмійскаго озера.

Дальнѣйшему ихъ передвиженію помѣшалъ курдистанскій шейхъ Сеидъ-Тага, пользующійся у курдовъ большимъ вліяніемъ. Шейхъ сталъ укорять курдовъ за то, что они покорились туркамъ. «Что вы дѣлаете, говорилъ онъ, кому довѣрились, кого пустили въ свои дома? Вы забыли, что у васъ есть только шахъ, вашъ повелитель и господинъ, а не султанъ турецкій! Гоните турокъ и не слушайте ихъ обѣщаній!» Такая проповѣдь, конечно, не понравилась туркамъ, такъ какъ курды замѣтно охладѣли къ нимъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возникли даже недоразумѣнія. Турки, какъ вспыльчивый народъ, не привыкшіи учитывать всѣхъ обстоятельствъ, арестовали обманнымъ путемъ Сеидъ-Тагу и не менѣе вліятельнаго курда Резакъ-хана, тоже возставшаго противъ нихъ.

Повѣсить ихъ въ Персіи, турки, конечно, побоялись, такъ какъ могли возникнуть серьезные безпорядки, а потому рѣшили отправить арестованныхъ въ Ванъ. О плѣненіи ихъ было сообщено кочтурскому хану Симко, который рѣшилъ освободить ихъ во что бы то ни стало. Недалеко отъ селенія Ханесуръ въ ущельѣ Саргаланъ онъ устроилъ засаду.

Когда турки втянулись въ узкое ущелье, Симко открылъ по нимъ огонь, чѣмъ вызвалъ переполохъ и смятеніе... Часть конвоя разбѣжалась, а оставшіеся были обезоружены.

Во время перестрѣлки было убито нѣсколько турецкихъ аскеровъ. Освобожденный шейхъ, въ порывѣ благодарности, сказалъ Симко: «За то, что не побоялся ты напасть изъ-за меня на турокъ и освободилъ меня, быть тебѣ, Симко, губернаторомъ Вана.» Такъ напророчилъ ему шейхъ, сбудется ли только это пророчество? Вотъ подкладка этого смѣлаго нападенія, такъ какъ до этого времени ни одинъ курдъ не смѣлъ возстать противъ турокъ.

Послѣ неудачнаго плѣненія Сеидъ-Таги и Резакъ-хана, престижъ турокъ сильно покачнулся. Намѣреніе же убить священное лицо оттолкнуло отъ нихъ многихъ правовѣрныхъ мусульманъ.

Разсказываютъ, какъ курьезъ, которому, конечно, нельзя вѣрить, что, когда турки должны были оставить занятія ими селенія въ спорной полосѣ Урмійскаго раіона и убраться во-свояси, то они обратились за помощію... къ персидскимъ губернаторамъ съ просьбой одолжить имъ сарбазовъ, такъ какъ черезъ горы они не рѣшаются идти одни, опасаясь мести со стороны курдовъ.

Конечно, это анекдотъ, но вотъ фактъ, свидѣтельствующій, насколько пало уваженіе къ туркамъ, этимъ недавнимъ господамъ и властелинамъ, со стороны населенія...

Когда турки уходили изъ селеній, для обоза понадобились верблюды и ишаки, но ни курды, ни персы не желали давать имъ даже за деньги. Мѣсяцъ же назадъ какъ тѣ, такъ и другіе рабоблѣпствовали и всячески заискивали передъ ними, не смѣя ослушаться ни одного приказанія турокъ.

Н.

